

АБХАЗІЯ

ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Страна древнихъ апсигловъ или абазговъ, нынѣшная Абхазія (Апхси) и ея народъ (апхсуа) въ русской этнографической литературѣ извѣстны только съ 50-хъ годовъ прошлаго, XIX ст., а именно: въ 1858 г. по Высочайшему повелѣнію Департаментомъ Генеральнаго Штаба Военнаго Министерства былъ изданъ XVI-й т. Статистическаго описанія губерній и областей Россійской Имперіи, посвященный Кавказскому краю, куда вошло описаніе Кутаисскаго генераль-губернаторства, составленное шт.-в. Генеральнаго Штаба Лаврентьевымъ. Ст. 239—278 этого изданія посвящены краткому статистическому описанію Абхазіи и Цебельды; здѣсь, въ главѣ „Жители Абхазіи“ авторъ описанія даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религиозныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, у которыхъ до сихъ поръ сохранилось такъ много языческой старины, а также говорить о ихъ обычаяхъ и гражданскомъ бытѣ.

Съ этого момента, собственно говоря, въ нашей литературѣ и начинается этнографическое изученіе Абхазіи. Въ газетѣ „Кавказъ“ за 1867 г. (№№ 74—76) была помѣщена обстоятельная статья г. Званбая, природнаго абхазца, подъ заглавіемъ: Очеркъ абхазской мифологіи. Дополненіемъ къ этой статьѣ служила статья неизвѣстнаго автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ А. .ъ, — „Религиозныя вѣрованія Абхазцевъ“, напечатанная въ V—мъ в. Сборника свѣдѣній о Кавк. горцахъ (Т. 1871 г.). Касаясь, главнымъ образомъ,

религіозныхъ

даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе надъ народными обычаями, родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ. Къ этому же году относится и извѣстное изданіе Н. Дубровина: „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2-я. Закавказье (С.-Пб. 1871), въ которомъ стр. 1—59 посвящены этнографическому очерку Абхазіи. Этотъ очеркъ вызвалъ критическую замѣтку въ VI-мъ в. „Сборника свѣдѣній о Кавк. горцахъ“ (1872): Абхазцы (Азегъ)—по поводу сочиненія г. Дубровина: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“ (авторъ статьи—*.*). Въ этомъ же выпускѣ Сборника помѣщена и статья г. А...: „Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, въ которомъ читатель можетъ найти много данныхъ и для этнографіи Абхазіи.

Затѣмъ, въ 1893 г. въ XVI-мъ т. Записокъ Кавк. Отд. Императ. Русск. Геогр. Общества былъ напечатанъ весьма обстоятельный этнографическій очеркъ М. Г. Джанашивили: „Абхазія и Абхазцы“, при составленіи котораго авторъ, согласно его указаніямъ, пользовался: 1) этнографическимъ очеркомъ Абхазіи, составленнымъ П. Гюргидзе и помѣщеннымъ въ „Иверіи“ за 1888 г. подъ заглавіемъ „Абхазія и Абхазцы“; 2) статьей К. Мачавариани: „Абхазія“, напечатанной въ газетѣ „Дрозба“ за 1884—1885 г. г. Къ числу работъ, имѣющихъ отношеніе къ Абхазіи, слѣдуетъ отнести также и обширную книгу г. И. Н., изданную въ Москвѣ въ 1898 г.: Абхазія и въ ней Ново-Афонскій Симоно-Кананитскій монастырь.

Неизвѣстный авторъ этого, хотя и компилятивнаго, но весьма обстоятельнаго труда ссылается въ немъ, между прочимъ, на статьи: 1) Г. А. Рыбинскаго: „Сухумскій Овругъ.

*) Здѣсь читатель можетъ найти, между прочимъ, ссылки на статьи, посвященныя Абхазіи, г.г. Аверкіева, Званбая и Завадскаго.

Абхазія въ сельск (Т. 1894); 2) г. Альбова: „Этнографическія наблюденія въ Абхазіи“. (Живая Старана, 1893, в. III); однако, собственно этнографическимъ наблюденіямъ въ этой послѣдней статьѣ, несмотря на ея заглавіе, удѣлено сравнительно скромное мѣсто. Много этнографическаго матеріала по изученію Абхазіи можно найти также и въ извѣстномъ изданіи Кавказскаго уч. округа: Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Такъ, напр. въ вып. IV-мъ напечатана статья К. Мачаваріани: „Нѣкоторыя черты изъ жизни Абхазцевъ. Положеніе женщины въ Абхазіи“. Въ вып. VI-мъ—Абхазская азбука и сказка „Два вора“; въ вып. XIII-мъ—статья В. Гордчаго: „Изъ абхазскихъ народныхъ преданій и повѣрій“; въ вып. XIV-мъ К. Мачаваріани напечаталъ абхазскую „Сказку о чегырехъ братьяхъ“; наконецъ, въ вып. XXXII-мъ того же изданія помещена статья И. М. Храмова: „Бое-что изъ абхазскихъ повѣрій. Вылавливаніе изъ рѣкъ души утопленника“.

Остается назвать еще три брошюры (или статьи), посвященныя Абхазіи: 1) К. Д. Мачаваріани — „Семь дней въ горахъ Абхазіи“ (Батумъ, 1900)—интересна наблюденіями автора надъ народнымъ бытомъ; 2) А. Н. Дьячкова-Тарасова: „Гагры и ихъ окрестности“ (Т. 1903); 3) „Его же: Бзыбская Абхазія (Т. 1905); обѣ послѣднія статьи напечатаны въ Извѣстіяхъ Кавк. Отд. Импер. Р. Г. Общества*).

Два съ половиною года тому назадъ, лѣтомъ 1903 года, я, въ качествѣ этнографа, также посѣтилъ Абхазію, этотъ любопытнѣйшій уголокъ восточнаго побережья Чер-

*) Въ этомъ списокѣ литературы по этнографіи Абхазіи я не называю общезвѣстнаго труда П. К. Услара: Этнографія Кавказа. Языкознаніе. Абхазскій языкъ (Т. 1887) и другихъ аналогичныхъ работъ, напр., Путевыхъ очерковъ по Кавказу гр. Уваровой, такъ какъ онѣ касаются языка народа и этнографіи въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова.

наго моря. Зі **For Evaluation Only.**
 гостеприімной и любезной семьи Мурзакана Д. Лакербая и при ближайшемъ участіи въ моей работѣ моего ученика, нынѣ покойнаго, гимназиста Владимира Лакербая, я собралъ интересный этнографическій матеріалъ, который далъ мнѣ возможность подробнѣе остановиться на вопросѣ, не затронутомъ моими предшественниками, давшими наукѣ массу цѣннаго этнографическаго матеріала, а именно, на весьма интересномъ вопросѣ объ эволюціи семейно-родовыхъ отношеній въ Абхазіи; ему я и посвящаю настоящія строки*).

Въ языкѣ народа заключаются богатые данныя для этнографическихъ наблюденій. Создавая терминъ или заимствуя его у сосѣдей для выраженія того или иного понятія, человекъ не охотно потомъ съ нимъ расстаётся, и терминъ часто продолжаетъ жить и тогда, когда явленіе или понятіе, выраженіемъ котораго служилъ данный терминъ, давным-давно исчезло, забыто или замѣнено чѣмъ-либо новымъ**). Развитіе языка идетъ путемъ накопленія терминовъ. при чемъ старые термины не всегда исчезаютъ, но часто продолжаютъ такъ или иначе служить человеку на ряду съ постоянно привходящими въ языкъ новыми терминами. Поэтому изученіе терминологіи явленія иногда помогаютъ изслѣдованію самого явленія.

Руководствуясь этимъ соображеніемъ, обратимъ вниманіе на родственную терминологію абхазцевъ въ надеждѣ, не найдемъ ли мы въ ней хотя нѣкоторыя черты, характерныя для болѣе раннихъ ступеней культурнаго развитія человека, которыя помогутъ бы намъ намѣтить хотя въ общихъ чертахъ эволюцію семейной организаціи у абхаз-

*) Другая часть собраннаго мною матеріала: Родинные и свадебные обряды у Абхазцевъ—мною напечатана въ XXXVI в. „Сборника матеріаловъ“.

***) Ср. корабль, паровая конка и пр.

цевъ и установи
ея форму.

Современная абхазская семья не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго въ этнографическомъ отношеніи. Это обыкновенная семья, состоящая изъ отца, матери и дѣтей. При жизни родителей, говоритъ въ своемъ очеркѣ Абхазин М. Джанашвили (стр. 17), сыновья обыкновенно не отдѣляются отъ родителей. Это указаніе г. Джанашвили, относящееся къ 1893 г., интересно въ томъ отношеніи, что въ наше пребываніе въ Абхазіи въ 1903 г. дворъ, состоящій изъ десяти семействъ, въ Блабуркской общинѣ, и семья Агумаа въ с. Дурыпшгѣ, гдѣ въ одномъ дворѣ живутъ восемь братьевъ, хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свою собственность и отдѣльное хозяйство, указывались уже какъ исключительныя явленія. Во всякомъ случаѣ, если къ этому мы прибавимъ, что у абхазцевъ практикуется обычай при посѣщеніи дома родителей почетнымъ гостемъ собираться къ отцу всѣмъ дѣтямъ и прислуживать при угощеніи гостя, то, сопоставивъ эти данныя, мы будемъ имѣть нѣкоторую возможность высказать предположеніе, что современная абхазская семья есть явленіе позднѣйшее, прошедшее извѣстную эволюцію, и что ближайшей, предшествовавшей ей формой, семейной организаціи у абхазцевъ была такъ называемая большая семья, или семейная община, въ составъ которой входили нѣсколько поколѣній ближайшихъ родственниковъ. Слѣды такой именно организаціи намъ представляются, между прочимъ, въ терминахъ: да д д у = дѣдуш-ка (изъ да д = папа, д у = большой; отецъ по-абхазски — а б) и н а н д у = бабушка (изъ н а н = мама, д у = большая; мать по-абхазски — м).

Но семейная община не есть, конечно, явленіе первобытное: она представляетъ, какъ извѣстно, дальнѣйшее развитіе или дифференціацію болѣе ранней формы семейно-об-

щинной орг-
ны которой
исхождения и единствомъ культа. Судя по нѣкоторымъ дан-
нымъ, можно предполагать, что нынѣшнимъ абхазцамъ бы-
ла, по всѣмъ вѣроятіямъ, знакома и эта форма организа-
ціи. Такъ, напр., каждая фамилія (т. е. родъ) въ Абхазіи
и теперь еще имѣетъ свой опредѣленный день недѣли, ко-
торый называется - а м ш-ш а р а = нашъ день или недѣльничекъ:
въ этотъ день нельзя работать, читать, вязать, а главное,
нельзя ничего давать и нельзя плавать. У многихъ абхаз-
скихъ фамилій этотъ день въ настоящее время совпадаетъ
съ воскресеньемъ.

Старшинство въ семьѣ абхазца, говоритъ въ своемъ
очеркѣ г. Джанашвили, строго почитается. Своему *pater
familias* (а в н а і н а б) подчиняются всѣ домочадцы. Въ семьѣ
все дѣлается по его распоряженію и усмотрѣнію, и только
въ дѣлахъ, касающихся женщинъ, руководительницей яв-
ляется старшая въ семьѣ женщина (а в н е і н а б а п н с).
Младшіе во всемъ дѣйствуютъ по указаніямъ старшихъ...
Старшіе въ домѣ (мужчина и женщина) исполняютъ всѣ
религиозные обряды и молитвы. Старшій въ фамиліи
также является исполнителемъ всѣхъ фа-
мильныхъ религиозныхъ обрядовъ (стр. 17).—
Типичнымъ для всякой родовой общины явленіемъ всегда
служитъ обычай родовой мести. Смерть отъ руки убійцы, по
возрѣнію абхазца, должна быть отомщена; за смерть въ
Абхазіи мстятъ всѣ родственники убитаго, но первыми обя-
заны мстить такъ называемые молочные родственники, такъ
какъ молочное родство, т. е. родство, основанное не на кров-
ныхъ узахъ, а на общности или единствѣ матери корми-
лицы, считается въ Абхазіи болѣе близкимъ родствомъ, не-
жели родство кровное, — и мечь за убійство распространяется
здѣсь на всѣхъ родственниковъ убійцы. (См. Лаврентьевъ,

стр. 265; Джанап **For Evaluation Only.**

родственной номенклатурѣ абхазцевъ, то и въ ней найдемъ слѣды этой древнѣйшей формы групповой организаціи, которая характеризуется, обыкновенно, нерегулированностью и шаткостью семейно-правовыхъ отношеній или такъ называемымъ беспорядочнымъ сожительствомъ. Два понятія: мужъ и мужчина у абхазцевъ обозначаются однимъ терминомъ — ахаца; такъ же точно: жена и женщина называются однимъ терминомъ — апхус.

Наблюденія этнографовъ, стремившихся въ своихъ изслѣдованіяхъ къ установленію законовъ и формъ развитія семьи и къ открытію начальныхъ ступеней этого явленія, привели къ убѣжденію, что древнѣйшей формой семейно-общественной организаціи должна быть признана организація нѣкоторыхъ наиболѣе низко стоящихъ австралійскихъ племенъ, у которыхъ отдѣльныя территоріальныя группы дѣлятся не на родственные союзы, а каждая группа раздѣлена на три класса: первый классъ состоитъ изъ мальчиковъ до 17 - 18 и дѣвочекъ до 13 - 14 л.; слѣдующій классъ изъ взрослыхъ, которые достигли брачнаго возраста, и третій классъ — изъ родителей этихъ послѣднихъ; иначе говоря, первый классъ состоитъ изъ внуковъ, второй изъ отцовъ и матерей, третій изъ дѣдовъ и бабокъ. Члены каждаго класса считаются между собою братьями и сестрами, свободно могутъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ, но браки между членами различныхъ классовъ строго воспрещаются (См. Н. Харузинъ, Этнографія, в. II, стр. 30 - 31).

Подобная система родства извѣстна многимъ народамъ. Нѣкоторыя особенности родственной номенклатуры у абхазцевъ позволяютъ и здѣсь видѣть слѣды этой болѣе или менѣе первичной формы семейной организаціи. Такъ, напр., для понятій тесть и свекоръ у абхазцевъ служитъ одинъ терминъ: абуа; теща и свекровь называются терминомъ

анхуа; брат **For Evaluation Only.**

мужа и сестра жены—анхупха, т. е. всѣхъ мужей и мужчинъ второго класса женщина въ Абхазіи называетъ словомъ абхунда, а всѣхъ женъ и женщинъ той же группы каждый мужчина называетъ словомъ анхупха. Въ каждый изъ этихъ четырехъ терминовъ входятъ два основныхъ корня: аб—отецъ и ан—мать. Однимъ и тѣмъ же терминомъ амѣх у абхазцевъ называются женихъ и зять; то же самое, можно предполагать, было когда-то и съ понятіями невѣсты и невѣстки, хотя въ настоящее время каждое изъ этихъ понятій имѣетъ уже свой собственный терминъ: невѣста называется—атпхахѣй, а невѣстка—атѣца, но та сбивчивость, съ какою мнѣ сообщали эти термины, при чемъ одни изъ сообщавшихъ говорили, что невѣста и невѣстка называются однимъ словомъ, другіе оспаривали и называли для каждаго понятія два отдѣльныхъ термина, можетъ свидѣтельствовать отчасти о справедливости нашего предположенія. Такимъ образомъ, терминами амѣх и атѣца первоначально обозначалось не извѣстное кровное родство, а скорѣе извѣстная половая зрѣлость, т. е. возрастъ.

Съ этой точки зрѣнія интересъ представляютъ нѣкоторыя частности свадебнаго ритуала у абхазцевъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ помолвки молодыхъ и послѣ пріѣзда къ роднымъ невѣсты отца жениха съ богатыми подарками для тестя, тещи и невѣсты своего сына, къ невѣстѣ на смотрины отправляется самъ женихъ въ сопровожденіи свиты товарищей. Къ этому дню и невѣста приглашаетъ къ себѣ подругъ, родственницъ и сосѣдокъ и устраиваетъ пиръ, во время котораго сама, однако, не присутствуетъ: она остается въ своей комнатѣ. Среди гулянья дружокъ жениха (ахца-нуза) приглашаетъ его въ комнату невѣсты, которая стоитъ въ углу, окруженная подругами. Дружокъ подводитъ жениха къ невѣстѣ, соединяетъ ихъ руки: невѣста, конеч-

но, сопротивляется **For Evaluation Only.** дить невесты рядомъ съ собою. Дѣвушки защищаютъ невесту и разступаются предъ женихомъ по требованію его дружка. То же самое повторяется на второй и на третій день пребыванія жениха въ домѣ своего будущаго тестя. Наканунѣ дня свадьбы подѣ вечеръ женихъ шлетъ за невестою свою свиту, во главѣ съ братомъ и сестрой, состоящую изъ родственникововъ и знакомыхъ жениха, душъ около 80—100 и болѣе. Цѣлую ночь гости пируютъ въ домѣ невесты, а когда на другой день невеста отправляется въ домъ жениха, она прощается со своими родными и подругами; вмѣстѣ съ нею отправляются нѣсколько наиболѣе душевныхъ ея подругъ и ея главная дружка.

Въ отмѣченныхъ нами частностяхъ свадебнаго ритуала сохранились черты извѣстныхъ организацій молодежи, которыя имѣли полное свое мѣсто, дѣйствіе и значеніе въ тотъ періодъ семейно-родовыхъ отношеній, когда община дѣлилась на возрастныя группы и общественныя отношенія регулировались опредѣленными нормами отношеній внутри каждой группы. Къ этой же категоріи фактовъ, характеризующихъ ту же самую форму семейно-родовыхъ отношеній, именуемой въ литературѣ стадіей безпорядочнаго сожителства, можетъ быть отнесено также и слѣдующее показаніе, сообщаемое г. Джанашвили: Въ разговорѣ со старшими (будутъ ли то родственники, или посторонніе) жена не можетъ сказать о мужѣ— „мой мужъ“; и мужъ о своей женѣ— „моя жена“. Жена никогда не можетъ назвать мужа своего по имени и въ необходимыхъ случаяхъ, вмѣсто этого, обходится мѣстоименіями: „ты“, „онъ“. Точно также она не называетъ по имени деверей, воспитателей мужа, членовъ семьи, старшихъ въ селеніи и пр. Мужъ же не произноситъ только имени жены...

Наконецъ, съ этой же точки зрѣнія интересна еще од-

на частность **For Evaluation Only.**

дворенія невѣсты въ домъ жениха, обыкновенно, въ воскресенье устраивается пирь, на которомъ присутствуютъ преимущественно женщины, и молодую хозяйку торжественно вводятъ въ домъ родителей мужа. Этотъ обычай у абхазцевъ называется — „амхара-тыгара“, т. е. выводъ невѣсты изъ комнаты въ большой домъ. Изъ класса молодежи невѣста перешла въ группу отцовъ и матерей, т. е. во вторую возрастную группу, и здѣсь она вступаетъ въ сферу новыхъ нормъ, которыми регулируются взаимныя отношенія членовъ этой группы.

Предполагаютъ, что признаніе одного группового тотема положило начало развитію идеи родства между собою всѣхъ членовъ группы и вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ запрещенію браковъ между членами одного и того же тотемическаго союза, чѣмъ была создана необходимость междугрупповыхъ (экзогамныхъ) браковъ, въ которыхъ мать и связанная съ нею физически дѣти составляютъ вмѣстѣ одну материнскую тотемическую группу. На этой ступени культурнаго развитія человѣческаго общества дѣти знаютъ свою мать, ея сестеръ, братьевъ и т. д.; отецъ же принадлежитъ къ другой тотемической группѣ, и если семья развилась до такой формы, что дѣти матери знаютъ и своего отца, то вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ знать не только отца своей матери, но и отца своего отца, т. е. своего дѣда по отцу, точно также и бабушку по отцу, дядей и тетокъ по отцу и т. д. Если у абхазцевъ мы встрѣчаемъ отдѣльные термины для дяди по отцу — сабѣшѣ (аб — отецъ, аѣша — братъ) и дяди по матери — санлашѣ (ан — мать, аѣша — братъ); отдѣльные термины для понятій: тетя по отцу — сабѣхшѣ (аб — отецъ, аѣхшѣ сестра) и тетя по матери — санлахшѣ; дѣдъ по отцу — сабѣаб и дѣдъ по матери — санлаб; бабушка по отцу — сабѣан и бабушка по

матери — с а н л а н ш а братъ, с а ш а — мой орачь, а п а — сынъ и племянникъ по сестрѣ — с а х ш а л п а (а ж а х ш а — сестра, с а х ш а — моя сестра; а п а — сынъ); племянница по брату — с а ш а и п х а (с а ш а — мой братъ, а п х а — дочь) и племянница по сестрѣ — с а х ш а л п х а с а х ш а — моя сестра, а п х а — дочь); внукъ по сыну — а н а и п а (а п а — сынъ) и внукъ по дочери — а п х а и п а и т. д., — то въ этихъ терминахъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе видѣть слѣды той формы семейной организаціи, когда территоріальная группа дѣлится на рядъ тотемическихъ союзовъ, члены которыхъ признають уже себя родственниками, наблюденіе родства для которыхъ важно въ интересахъ соблюденія запретительныхъ культовыхъ правилъ. Тотемическій родъ, группирующійся вокругъ матери, развившись, можно предполагать, и объединивъ въ себѣ нѣсколько такихъ группъ, въ концѣ концовъ сливается съ территоріальнымъ родомъ, т. е. превращается въ народъ, занимающій извѣстную территорію и противопологающій себя всякому другому народу, однородному по своему этническому составу, занимающему другую тоже опредѣленную территорію, — временно или постоянно — безразлично. Этотъ, разросшійся территоріально, тотемическій союзъ или родъ попрежнему покоится, конечно, на тѣхъ же отношеніяхъ родства, основывающихъ свой счетъ родства по женской линіи, и съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ процессомъ ассимиляціи международныхъ отношеній, основывающихся и регулирующихъ вначалѣ опредѣленными тотемическими установленіями, превращается въ материнскій родъ, этотъ послѣдній, въ свою очередь, съ теченіемъ времени превращается въ организацію, въ которой преобладающая роль принадлежитъ сначала роду жены, а затѣмъ женѣ и матери (матриархатъ).

О положеніи женщины въ современной Абхазіи въ ли-

тературѣ мы :
For Evaluation Only.

варіанти въ своемъ статьѣ „помощникъ женщины въ домашнемъ“ (Сбор. матеріаловъ, в. IV-ый, Т. 1884) говорить: Издавна защита семейныхъ интересовъ у абхазцевъ лежала на женщинѣ, которая во всѣхъ своихъ дѣлахъ въ этомъ случаѣ шла рука объ руку съ женщинами, принадлежащими къ сосѣднимъ племенамъ: черкесамъ, убыхамъ и джигетцамъ.

Покушеніе на уничтоженіе разныхъ правъ женщинъ, освященныхъ вѣками, вызывало здѣсь рядъ волненій, которыя всегда оканчивались побѣдой женскаго вліянія. Но положеніе женщины въ Абхазіи, большая или меньшая ея самостоятельность зависитъ всегда отъ того сословія, къ которому принадлежитъ женщина. Такъ, большею самостоятельностью пользуется здѣсь женщина изъ привилегированнаго сословія: она исполняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ религіозныя обряды, руководитъ общественными дѣлами, даже предводительствуетъ иногда во время ночныхъ походовъ съ цѣлью грабежа, однимъ словомъ, стоитъ совершенно наравнѣ съ мужчиной... Въ Абхазіи нерѣдко можно было встрѣтить ночью женщину, одѣтую въ черкеску, съ башлыкомъ на головѣ и въ полномъ вооруженіи, скачущую въ сопровожденіи отборнѣйшихъ всадниковъ во весь карьеръ на ретивомъ конѣ. Переѣхать вбродъ черезъ большую рѣку, сдѣлать стоверстное разстояніе, ограбить, поджечь, взять кого-либо въ плѣнъ, а въ случаѣ надобности и броситься съ шайкой на непріятеля—все это казалось для подобной женщины дѣломъ обыкновеннымъ...

Если грубости мужа выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, жена оставляетъ мужа, беретъ свои вещи, беретъ преданныхъ себѣ людей и переселяется къ роднымъ или къ кормилицѣ и оттуда требуетъ обезпеченія и развода. За нее заступаются всѣ ея родные, знакомые, воспитатели, и въ случаѣ неудовлетворенія со стороны мужа, ея партія окры-

ваетъ рѣзню, подъ правила, предписанныя родою мѣстью. Въ такихъ случаяхъ женщина смѣло идетъ и въ народный судъ, сама защищаетъ себя и часто поражаетъ противника. Она не боится даже клеветы и обвиненія въ интимности съ кѣмъ-либо. Она сумѣетъ опровергнуть всѣ обвиненія и отстоять себя во что бы то ни стало. Родные и знакомые въ такомъ случаѣ являются только въ качествѣ свидѣтелей. Судъ съ своей стороны съ большимъ вниманіемъ относится къ жалобѣ женщины и строго взыскиваетъ съ мужа, если онъ дѣйствительно виновенъ. Стоитъ посмотрѣть на такую женщину во время разбора брачнаго дѣла: гдѣ ея скромность, гдѣ ея почтеніе къ мужу? Она является величественною, въ глазахъ горитъ огонь мести, въ карманѣ спрятанъ ножъ или бритва, или же пистолетъ, и Боже избави судей не выслушать ея жалобы до конца...

Жена (въ абхазской семьѣ) принимаетъ гостей, сама ѣздитъ въ гости со своей свитой, распоряжается по хозяйству, обшиваетъ мужа...

Жена въ абхазской семьѣ, говоритъ неизвѣстный авторъ статьи „Абхазцы“, напечатанной въ вып. VI Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ (Т. 1872), вовсе не раба своего мужа и еще меньше „старшее въ домѣ рабочее животное“; она полная хозяйка, и забота о домашнемъ хозяйствѣ составляетъ весь кругъ ея дѣятельности. Черная работа лежитъ исключительно на ахашалахъ (сословіе рабовъ), а если ихъ нѣтъ, то на мужѣ. Мужъ обязанъ рубить и пренести дровъ, пригнать корову или козъ, выдоить ихъ и заложить имъ на ночь кормъ. Молоко онъ передаетъ женѣ, которая изъ него дѣлаетъ разныя приготовления. Мужъ же обязанъ вскопать огородъ, засадить его и въ этомъ видѣ передать женѣ, на обязанности которой лежитъ содержать его въ порядкѣ, и то только тѣ гряды,

на которых по **For Evaluation Only.**

поля для посѣва гоми или кукурузы, посѣвъ зеренъ и тоханье (подбивка) кукурузы составляютъ обязанность исключительно мужчинъ, а дѣло женщинъ только приготовить пищу для рабочихъ и иногда доставить ее на мѣсто работъ, если оно далеко отъ жилья. Женщины въ полевомъ хозяйствѣ не принимаютъ никакого участія.

По Джанашвили, абхазка пользуется большою свободой. У нея не меньше, чѣмъ у мужчины, дѣла... Съ дѣтства и до старости женщину встрѣчаютъ съ почетомъ и уваженіемъ. Женщины посѣщаютъ общественныя сходки, бывають на оплакиваніяхъ, поминкахъ, въ собраніяхъ мужчинъ и танцуютъ съ ними. Бывали примѣры, когда въ ночныхъ походахъ женщина являлась предводительницей абраговъ. Она исполняетъ религіозныя требы и церемоніи... Абхазкѣ, если мужъ по неосновательной причинѣ разведется съ нею, разрѣшается являться на сельскія сходки защищать себя. И она умѣло пользуется этимъ правомъ: съ неменьшею, чѣмъ мужчина, рѣшимостью идетъ на сходку и съ большимъ краснорѣчіемъ защищаетъ себя. Если, по разнымъ обстоятельствамъ, мужъ можетъ развестись съ женой, то и послѣдней дано право такъ же поступать съ мужемъ, когда и онъ провинится передъ ней. (Стр. 18).

Интересныя въ этомъ смыслѣ данныя представляетъ область родинныхъ обрядовъ.

За нѣсколько дней до родовъ родственники и домашніе, предвидя близкій исходъ болѣзни сочлена своей семьи, приглашаютъ въ домъ сосѣдовъ для совершенія обряда Акуа б-в на хара (вѣшаніе котла); этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что одна изъ сосѣдовъ, обыкновенно престолонныхъ дѣтъ, беретъ мѣдный котель, подходитъ къ больной и, обведя котломъ три раза вокругъ головы больной, даетъ обѣтъ отъ имени больной принести благодарственную жертву бо-

ту домашнего очага окончатся благополучнымъ исходомъ, и вѣшаетъ котель на стѣнѣ въ комнатѣ больной. Жертва аджахарѣ должна побѣдить происки абн-н-коу (того, что на дворѣ; сила, приносящая болѣзни), и больная остается въ полной надеждѣ, что съ помощью аджахары роды пройдутъ благополучно. Послѣ этого обряда женщины сосѣдки расходятся по домамъ, кромѣ двухъ или трехъ изъ нихъ, которыя по просьбѣ больной и ея родныхъ остается при ней на все время ея болѣзни. Одна изъ оставшихся сосѣдокъ исполняетъ роль повивальной бабки и послѣ окончанія своей работы получаетъ отъ хозяина въ награду деньги, платье или что-либо въ этомъ родѣ, смотря по средствамъ семьи и больной. На другой день послѣ родовъ хозяинъ дома посылаетъ верхового объявить знакомымъ о благополучномъ исходѣ болѣзни и о появленіи на свѣтъ ребенка. Въ то же время во дворѣ новорожденного устраиваются для молодежи качели; молодежь собирается сюда съ тѣмъ, чтобы поиграть и повеселиться, и игры молодежи кончаются задолго до прихода гостей..

Но вотъ у воротъ одинъ за другимъ раздаются выстрѣлы: это гости даютъ знать о своемъ прибытіи. Услышавъ выстрѣлы, кто-либо изъ близкихъ родственниковъ новорожденного—отецъ къ гостямъ, обыкновенно, не показывается—съ объятіями встрѣчаетъ гостей, приглашаетъ ихъ въ домъ или подъ навѣсъ, гдѣ собрались всѣ мужчины, а женщины уходятъ въ комнату къ больной. Мужчины не имѣютъ права видѣться съ больной до тѣхъ поръ, пока она не встанетъ съ постели. Каждый изъ гостей приноситъ для новорожденного подарки: одѣяло, украшения для люльки, деньги... Въ старину мужчины подъ подушку новорожденного мальчика клали пулю, а дѣвочки—деньги. Гости расходятся только на слѣдующій день, а молодежь еще продолжаетъ свои игры. На третій день послѣ родинъ совершается обрядъ благодаренія

покровителя д рѣжутъ курь, гуси, цыплятъ, иекутъ сладости, и, пригото- вивъ обильный столъ въ комнатѣ матери ребенка, одна изъ наиболее почтенныхъ старухъ, ставъ лицомъ къ востоку, благодарить Бога и покровителя очага за благополучный ис- ходъ болѣзни и молить Бога о здоровьѣ матери и новоро- жденнаго. Во время обряда присутствуютъ по преимуществу только женщины; когда старуха оканчиваетъ молитву, онѣ всѣ вмѣстѣ хоромъ произносятъ — аминь! садятся за столъ и обѣдаютъ. Повѣщенный въ комнатѣ роженицы ко- тель торжественно снимается на третій день послѣ родинъ. Снова въ домъ новорожденнаго приглашаются всѣ сосѣди во главѣ со старухой, повѣсившей котель; снова рѣжутся куры, гуси, иекутся сладости, и въ присутствіи новорожден- наго та же сосѣдка, что вѣшала котель, благодарить а д- жа хара за исполненіе молитвы и снимаетъ котель. За- тѣмъ, отрѣзавъ отъ кушаній мелкіе кусочки, беретъ въ ру- ки стаканъ вина или стаканъ воды съ медомъ и говоритъ: пока я не накормлю и не напою этими кусками и этимъ питьемъ всѣхъ Анчабадзе и Шервашидзе, пусть никакая бо- лѣзнь не переступитъ порогъ этого дома! Съ этими словами она поливаетъ куски виномъ или медомъ и кладетъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ ихъ не могла бы найти собака или кош- ка. Кушаній, приготовленныхъ для этого обряда, мужчины не ѣдятъ: имъ варится отдѣльный обѣдъ. (См. мою замѣтку: Изъ области Кавказской этнографіи. Сборникъ Матеріаловъ в. XXXVI-ой).

Въ статьѣ „Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ“ г. А. .ъ (см. Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, вып. V) мы имѣемъ слѣдующія данныя: Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тотчасъ же всѣ мужчи- ны удаляются изъ дому, и къ роженицѣ является старуха, опытная въ принятіи дѣтей. По окончаніи родовъ ребенка

показываютъ отцу
новорожденному...

Г. Мачаваріани: Со дня объявленія беременности княгини къ ней каждый день приходятъ женщины съ мужьями, родственники и родственницы, и каждая изъ нихъ, принося что-либо въ подарокъ — козла, барана, корову, лошадь или какія-либо другія вещи, проситъ княгиню принять ее въ качествѣ кормилицы... Сверхъ того, въ больной княгинѣ приглашаются и деревенскія дѣвушки, умѣющія пѣть веселыя пѣсни и рассказывать сказки. Онѣ увеселяютъ больную во время ея бозсонныхъ ночей. Мужъ же княгини уѣзжаетъ въ дальнюю деревню: по обычаю края ему воспрещено являться въ домъ впредь до полного выздоровленія его жены... (См. Сборникъ Матеріаловъ, вып. IV).

Тѣ же данныя сообщаетъ и г. Джанапвили въ своемъ этнографическомъ очеркѣ „Абхазія и Абхазцы“, ссылаясь на показанія г. Мачаваріани, сообщенныя имъ въ газетѣ „Иверія“ за 1884 г. № 275.

Таковы, въ общихъ чертахъ, наиболѣе существенные обряды, которыми сопровождаются въ Абхазіи родины. Они интересны какъ матеріалъ для характеристики матриархата, каковая форма семейно-родовыхъ отношеній была, по всѣмъ вѣроятіямъ, извѣстна и предкамъ нынѣшнихъ абхазцевъ. Въ самомъ дѣлѣ обратимъ вниманіе на то, что отецъ новорожденнаго во время родинныхъ торжествъ не присутствуетъ: его не должно быть даже по близости къ дому, и главную роль въ домѣ новорожденнаго играетъ мать и женщины родственницы и сосѣдки, т. е. члены одной и той же родственной и территоріальной группы, или группы, въ которой объединены родовой и территоріальный элементы. Женщина же въ этомъ случаѣ является и исполнительницей всѣхъ обрядностей тотемическаго культа, т. е. жрицей. Наконецъ, мужчина не имѣетъ права даже прика-

саться въ р. **For Evaluation Only.**

игръ, устраиваемыхъ во дворѣ новорожденнаго, то онѣ обращаютъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ принимаетъ участіе только молодежь, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ игры въ Абхазіи—дѣло общенародное. Исключительный характеръ игръ во время родинныхъ торжествъ заставляеть видѣть въ нихъ пережитокъ тѣхъ формъ общественности, когда территоріальная группа, не зная дѣленія на родственныя союзы, дѣлилась на классы по возрасту: внуковъ, отцовъ и дѣдовъ. Встрѣчая новаго члена группы, въ родинныхъ культовыхъ празднествахъ принимаютъ участіе всѣ классы: молодежь въ играхъ, отцы и матери въ культовыхъ жертвоприношеніяхъ, причеиъ обязанности представителя группы исполняетъ старуха.

Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ также извѣстный, впрочемъ, и у другихъ кавказскихъ народовъ институтъ аталычества, т. е. молочнаго родства. Объ этомъ институтѣ у абхазцевъ въ литературѣ имѣются слѣдующія данныя.

Г. А...ъ, въ названной нами уже выше статьѣ „Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ“, говоритъ: Новорожденнаго мать кормитъ день, два, много три, и затѣиъ онъ переходитъ на руки кормилицы, или, по-абхазски, воспитательницы. Послѣдняя, хотя условлена заранѣе и даже до рожденія ребенка находится въ домѣ своего будущаго воспитанника, тѣиъ не менѣе сама должна предложить свои услуги. Получивъ на руки ребенка, она вмѣстѣ съ тѣиъ получаетъ и подарки, состоящіе изъ полнаго женскаго костюма, постели, одѣяла, сундука, мѣднаго котла и буйволицы. Всѣ эти подарки обязательны для каждаго, отдающаго на воспитаніе своего ребенка, но лица высшаго сословія, конечно, не ограничиваются ими. Если съ женщиной, берущей на воспитаніе ребенка, пришла и ея мать, то и она получаетъ

подарки, въ менѣе проществіи семи или восьми лѣтъ послѣ отдачи на воспитаніе, принявшіе ребенка привозятъ его показать роднымъ, причемъ, если на воспитаніи мальчикъ, то воспитатели должны снабдить его лошаdkю, сѣдломъ и полнымъ костюмомъ; если же воспитывается дѣвочка, то ее представляютъ родителямъ въ полномъ женскомъ туалетѣ. Все, сдѣланное для воспитанника или воспитанницы ихъ приемными родителями, должно быть возвращено родителями ребенка, непременно вдвойнѣ. Въ 12 лѣтъ для дѣвочки и въ 16 лѣтъ для мальчика оканчивается забота о нихъ воспитателей, и они возвращаются родителямъ, которые въ послѣдній разъ даютъ воспитателямъ подарки. Величина этихъ подарковъ зависитъ какъ отъ средствъ родителей, такъ и, тѣмъ болѣе, отъ того, съ какими познаніями возвращается воспитанникъ подъ родительской кровью. Если мальчикъ показалъ уже свои способности въ какомъ-нибудь удачномъ воровствѣ, если онъ хорошій стрѣлокъ и наѣздникъ, то время, проведенное имъ у воспитателя, считается не пропавшимъ даромъ, и воспитатели щедро вознаграждаются.

Воспитатели ребенка считаются близкими его родственниками, и брачныя узы между членами этихъ двухъ семействъ заключаемы быть не могутъ.

Воспитанникъ обыкновенно такъ привязывается къ своимъ воспитателямъ и до такой степени отвыкаетъ отъ своихъ родныхъ, что питаетъ самыя ибжныя родственныя чувства къ первымъ и, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній между ними и его родителями, принимаетъ сторону воспитателей...

Г. Мачаваріани въ своей статьѣ: „Положеніе женщины въ Абхазіи“ очень подробно и картинно описываетъ весь порядокъ приема ребенка кормилицей на воспитаніе. Остановимся на главнѣйшихъ фактахъ:

Когда при **For Evaluation Only.**

и дальнихъ аулахъ идутъ дѣятельные поиски за здоровом кормилицей. Женщина, выбранная въ кормилицы, находится почти безотлучно при беременной княгинѣ; кромѣ того, ее окружаютъ родные, знакомые и ближайшія сосѣдки. Для того чтобы кормилица могла совершать обратный свой путь въ деревню съ почетомъ и безъ особыхъ затрудненій и не причинила никакого труда новорожденному, при ней находится ее мужъ и разные родственники. Когда родится ребенокъ, въ постели родильницы подбѣгаютъ кормилица и ея родственницы и берутъ новорожденную княжну къ себѣ. Укутавъ и связавъ ребенка, кормилица отправляется домой со своей дорогой ношей, въ сопровожденіи мужа и своихъ родственниковъ. Ее уже давно ожидаетъ цѣлое селеніе. Почти вся деревня выдается навстрѣчу къ кормилицѣ, всѣ спѣшатъ снять пріѣзжихъ съ лошадей, поздравляютъ кормилицу съ благополучнымъ исходомъ дѣла и т. д. Если здоровая кормилица, имѣвшая обильное молоко, вдругъ почувствуетъ потерю этого молока, то на скорую руку съывается женскій совѣтъ, который объясняетъ эту потерю тѣмъ, что на дорогѣ кормилицу сглазили. Въ одинъ мигъ являются нѣсколько конкурентокъ съ предложеніемъ своихъ услугъ насчетъ кормленія ребенка, зная отлично, что и онѣ со своими мужьями и родственниками такимъ образомъ входятъ въ родство съ родителями младенца и имѣютъ полное право тоже пользоваться ихъ подарками, вниманіемъ, защитой и покровительствомъ. Иной разъ у одного ребенка бываетъ 5 или 6 кормилицъ. Но пальма первенства все-таки остается за первой кормилицей, и на ней прежде всего лежитъ отвѣтственность за жизнь и здоровье ребенка. На третій годъ кормилица ведетъ ребенка къ его родителямъ. По обычаю необходимо, чтобы родители убѣдились воочію въ здоровьѣ ребенка и хорощемъ за нимъ

уходѣ; иначе ко
этихъ родителей. Интересы ребенка настолько святы и дороги для кормилицы, что она во все время кормленія чужого ребенка не имѣетъ никакихъ интимныхъ сношеній съ мужемъ, зная, что, въ случаѣ ея беременности, молоко ея будетъ вредно для воспитанницы. Мужъ кормилицы тоже держитъ свято этотъ обычай...

Г. Джанашвили сообщаетъ слѣдующее: Въ день, назначенный для отъѣзда кормилицы съ новорожденнымъ малюtkoю, родители устраиваютъ пиръ и дарятъ кормилицѣ матерію на платье, бѣлье и всѣ принадлежности колыбели ребенка, мѣдный котелокъ для обмыванія его и другія мелкія вещи. Съ этого дня воспитательница получаетъ почетное имя анадздзэи (кормилица, мать-кормилица), и не только сама она, но и мужъ ея— абадздзэй (кормилецъ, отецъ-кормилецъ) пользуются всеобщимъ уваженіемъ; малютка, съ переходомъ въ домъ кормильца и кормилицы, признается воспитанникомъ (ахупна) той фамиліи, къ которой принадлежитъ кормилецъ. Воспитатели подобающимъ образомъ лелѣютъ малютку, содержатъ его въ нѣгѣ и довольствѣ. Черезъ 2—3 года воспитывающагося приводятъ къ его родителямъ съ подарками. Въ домѣ родителей ребенка опять устраивается пиръ, на который созываются и сосѣди. Тутъ кормилицѣ и ея мужу оказываютъ всяческій почетъ. Воспитателямъ дается право первымъ вымыть руки, а, при возвращеніи ихъ домой, родители ребенка должны посадить ихъ на лошадь, т. е., когда они садятся на лошадь, поддерживаютъ стремяна съ противоположной стороны. Воспитатели возвращаются домой съ малюtkoю, обремененные всевозможными подарками: животными, платьемъ и деньгами. Воспитанникъ остается у воспитателей въ продолженіе 8—9 лѣтъ, а затѣмъ его привозятъ къ настоящимъ родителямъ. Воспитанникъ обязанъ защищать ин-

тересы своих

торой воспитаннѣ. Онъ обязанъ, напримеръ, размышлять потерянную вещь его воспитателей, находить вора и выскидывать съ него, и большой для него будетъ срамъ, если онъ не сумѣетъ этого сдѣлать. Точно также, если его воспитателей обидитъ кто-нибудь, и они, по слабости, не могутъ отплатить обидчику, то за нихъ долженъ заступиться ихъ воспитанникъ. Положимъ, напримеръ, что какой-нибудь князь побилъ крестьянина. Въ этомъ случаѣ за обиду долженъ требовать воспитанникъ побитаго крестьянина и искупать за нее не съ самаго обидчика князя, ибо его „кровь не равна крестьянской“, а съ его воспитателя, крестьянина же; ему-то и достается за оскорбленіе, нанесенное воспитателю другого князя. Если крестьянинъ-воспитатель замѣшанъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то князь-воспитанникъ старается всѣми правдами и неправдами выручить его изъ бѣды. Въ такихъ случаяхъ, если воспитанникъ самъ еще молодъ и не въ состояніи помочь своимъ воспитателямъ, то вмѣсто него дѣйствуютъ его родители. Въ радостяхъ и несчастяхъ своего воспитателя, во всѣхъ мало-мальски серьезныхъ обстоятельствахъ его жизни, воспитанникъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Такъ, когда умереть сама кормилица его, ея мужъ, или кто-либо изъ ихъ дѣтей, то онъ горько оплакиваетъ ихъ, надѣваетъ трауръ, отпускаетъ волосы, на свой счетъ покупаетъ гробъ и распоряжается порядкомъ и церемоніей оплакиванія и похоронъ усопшаго. При поминкахъ онъ доставляетъ барана или лошадь и опять-таки распоряжается всѣмъ. Воспитанникъ же является главнымъ лицомъ и въ томъ случаѣ, когда сынъ его кормилицы похищаетъ себѣ въ жены дѣвушку: если родственники дѣвушки погонятся за похитителемъ, то князь-воспитанникъ дѣйствуетъ за него словомъ и оружіемъ и не уступаетъ похищенной дѣвушки;

затѣмъ, до оконча у себя, такъ какъ ~~помощью по его дому уже давно для~~ родственниковъ похищенной не осмѣлится.

Если же свадьба сына воспитателя или его дочери происходитъ мирно, по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, то и тутъ князь-воспитанникъ считается первымъ дружкой жениха, дарить невѣстѣ деньги, лошадь и проч. Въ свою очередь, и воспитатели не остаются въ долгу у воспитанника, котораго они называютъ своимъ солнцемъ, своею сватынею, именемъ котораго клянутся. Они ежегодно доставляютъ ему подарки, къ Рождеству: сыръ, кашуновъ, хлѣбъ; къ Пасхѣ: барашка или козленка и „чумухквати“. Подарки эти—необходимые внѣшніе знаки искренняго расположенія и дружбы со стороны меньшихъ (низшей братіи) къ старшимъ; съ прекращеніемъ ихъ прерывается и взаимная дружба. Сыновья кормилицы бываютъ заведенными друзьями и пособниками воспитанника въ его ночныхъ воровскихъ походахъ. Поэтому-то князь или дворянинъ въ свои воровскія экспедиціи беретъ и сыновей кормилицы, зная, что они, въ нуждѣ, готовы пожертвовать за него и жизнью. Когда умретъ воспитанникъ, то горе и печаль воспитателей безпредѣльны; къ его похоронамъ они доставляютъ саванъ и деньги; они же приводятъ на поминки по усопшемъ одного или двухъ быковъ, барановъ и пр. При женитьбѣ воспитанника они оказываютъ ему всяческое содѣйствіе своимъ личнымъ трудомъ, также дарятъ ему откормленныхъ животныхъ, да и невѣстѣ его приносятъ подарки.

Таковыми чертами рисуется въ этнографической литературѣ институтъ аталычества, т. е. молочнаго родства и основанныхъ на немъ личныхъ и родовыхъ отношеній у абхазцевъ. Нѣкоторые изъ названныхъ выше этнографовъ, собирателей матеріала, пытались дать и свое объясненіе этого

института. Так **For Evaluation Only.**

пилятивнаго труда „доказан и въ немъ гово-двоискии С.-пан. монастырь“ говорить: молочное родство имѣеть свое историческое происхождение и основано на желаніи установить тѣсную связь между различными фамиліями, такъ какъ во времена происхожденія этого обычая страна была объята междоусобіями и кровавой враждой (?). Къ обычаю усыновленія прибѣгали съ цѣлью покончить мирно вражду; обидчикъ отдавалъ обиженному своего сына на воспитаніе, и, когда мальчикъ, достигнувъ юношескаго возраста, возвращался настоящему отцу, вражда считалась поконченной (!). Черезъ нѣсколько страницъ далѣе читаемъ: обычай этотъ существуетъ преимущественно у князей и дворянъ, а изъ простыхъ крестьянъ у тѣхъ, кто имѣеть большія средства, такъ какъ отдача дѣтей на воспитаніе, равно какъ и усыновленіе ихъ, сопряжены съ большими расходами... Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практическаго свойства соображеніями, а возникъ еще въ давнія времена, вслѣдствіе желанія установить болѣе тѣсную связь между различными фамиліями. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитаніе, относится къ нему какъ бы къ собственному сыну, — окружая его не меньшей заботливостью, чѣмъ родной отецъ или мать. Такъ какъ ребенокъ находится у кормильца лѣтъ до 12, а мальчики даже и до 16, и только тогда возвращается родителямъ, то это, разумѣется, вліяетъ до нѣкоторой степени на отношеніе его къ этимъ послѣднимъ: платя имъ должную дань уваженія, онъ, естественно, съ большей нѣжностью будетъ относиться къ своимъ кормильцамъ.

Молочное родство у абхазцевъ считается отнюдь не менѣе важнымъ, чѣмъ кровное. Лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ

другую фамилію въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи, хотя бы то были отдаленные родственники.

Г. Мачаваріани даетъ такое объясненіе этому же обычаю: Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе кормилицъ основанъ на стремленіи князей быть какъ можно ближе къ простому сословію или къ сосѣднимъ племенамъ, чтобы снискать у нихъ расположеніе и преданность къ себѣ. Крестьяне нужны князю для усиленія его могущества и для поддержки его во время разныхъ затрудненій боевой его жизни. Нерѣдко князья Абхазіи, желая распространить свое вліяніе и за предѣлы своего княжества, отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе въ Самурзакапъ, Мингрелію и даже Гурію и Имеретію, чтобы и тамъ имѣть вѣрныхъ себѣ людей и получить въ критическихъ обстоятельствахъ оттуда помощь. Со своей стороны и простое сословіе всегда радо породниться съ княземъ, чтобы пріобрѣсти въ лицѣ его себѣ сильнаго защитника и покровителя и т. д.

Въ толкованіи народныхъ обычаевъ слѣдуетъ быть всегда крайне осторожнымъ. Народный обычай явленіе очень сложное, и объяснить его генезисъ не такъ легко. Народный обычай,—это есть извѣстное бытовое установленіе, вытекающее или изъ требованій культа, или изъ основъ первобытныхъ личныхъ и общественныхъ отношеній, принявшее съ теченіемъ времени характеръ массовой привычки. Когда народный обычай превращается въ такую массовую привычку, т. е. становится обычаемъ въ собственнo-этнографическомъ смыслѣ этого слова, реальное содержаніе его исчезаетъ, но въ народномъ сознаніи ни одна форма бытовыхъ отношеній, ни одно явленіе, особенно такое, какъ народный обычай, не мыслимы безъ содержанія, и народъ заполняетъ его содержаніемъ, наиболѣе соответствующимъ бытовымъ

условіямъ да **For Evaluation Only.**

мотивировка обычай, которую, конечно, невозможно не объяснить самым обычай. И мнѣ думается, что наиболѣе правильнымъ, для объясненія и разсматриваемаго нами института аталычества у абхазцевъ, было бы обратиться къ исторіи семейно-родовыхъ отношеній и здѣсь — то поискать возможныхъ корней интересующаго насъ явленія. Въ самомъ дѣлѣ, аталычество создаетъ такого рода отношенія между кормилицей, ея семьей и воспитанникомъ, между воспитанниками, вскормленными одною и тою же матерью, или даже между ея дѣтьми и воспитанниками, что кровное родство предъ нимъ отступаетъ какъ бы на второй планъ. Съ другой стороны, въ самомъ характерѣ личныхъ и общественныхъ отношеній, вытекающихъ изъ аталычества, или такъ называемаго молочнаго родства, кроется нѣчто болѣе широкое, нежели въ характерѣ отношеній, опредѣляемыхъ кровнымъ родствомъ. Главное, такимъ образомъ, въ жизни человѣка составляетъ его связь съ матерью-кормилицей и группирующимся вокругъ нея родомъ. Лица, вскормленная одною матерью, составляютъ ея родъ; они между собою — братья; они — члены одной и той же тотемической группы, такъ какъ брачныя отношенія лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же группѣ молочныхъ родственниковъ, регулируются опредѣленными запретительными установленіями: лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ другою фамиліей, не имѣетъ права вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи. Словомъ, въ отношеніяхъ, регулируемыхъ аталычествомъ, мы имѣемъ полное право видѣть пережитокъ той формулы семейно-родовыхъ отношеній, когда преобладающая роль принадлежала сначала роду жены, а затѣмъ жемъ и матери (матріархатъ).

Весьма цѣнный въ этомъ отношеніи фактъ сообщаетъ

г. Джанашвили. У **For Evaluation Only.**

другой родъ воспитыванія: именно, въ воспитанники приглашается взрослый мужчина. Такого мужчину абхазскій крестьянинъ приглашаетъ въ себѣ словами: „Я желаю повести тебя въ мой домъ и, по состоянію своему, оказать тебѣ почетъ“. Въ назначенный день приглашаемый отправляется въ домъ будущаго своего воспитателя и беретъ съ собою еще нѣсколько человекъ. Во время ужина хозяинъ и его родственники становятся на колѣни предъ вступающимъ въ воспитанники и подаютъ ему стаканъ вина, затѣмъ встаютъ на ноги, и одинъ изъ нихъ обращается къ нему со слѣдующей рѣчью: „съ этого дня мы считаемъ тебя вскормленнымъ грудью въ нашей семьѣ, мы одинаковаго съ тобою образа мыслей и не пожалѣемъ для тебя ничего; надѣмся, что и ты для насъ не поскупишься ничѣмъ; ты будешь пользоваться большимъ, чѣмъ другіе воспитанники, почетомъ“. Послѣ этого ему подносятъ нѣсколько рублей и дарятъ что-нибудь его сотоварищамъ. При передачѣ подарковъ говорятъ: „вадча энунъ“ (подарокъ тебѣ). Церемонія эта заканчивается слѣдующимъ образомъ: на постланномъ коврѣ ставятъ сундукъ, на него садится жена хозяина дома, т. е. будущая кормилица; ее окружаютъ женщины. Затѣмъ черезъ отворенныя двери входитъ вступающій въ воспитанники и становится предъ возсѣдающей на сундукъ хозяйкой, кланяется ей и троекратно прикасается губами къ соску ея груди, или, какъ абхазцы говорятъ, „три раза кусаетъ сосцы“; послѣ каждаго раза онъ произноситъ: „съ этого дня ты — родная моя мать“. И дѣйствительно, съ этого времени между ними устанавливаются совершенно такія же взаимныя отношенія, какъ и въ первомъ случаѣ — полнаго воспитанія чужого ребенка...

Въ этомъ весьма любопытномъ съ точки зрѣнія этнографа фактѣ мы видимъ, съ одной стороны, обрядъ, уста-

навливающ
гнатическій родъ и от историковъ; съ другой стороны,
выразившуюся въ формѣ обряда фактическую роль матери
въ этой системѣ родства: чтобы принадлежать известной
группѣ родственниковъ, всякій членъ долженъ быть связанъ
узами родства съ матерью.

Чтобы подвести итоги, мы должны, однако, остановиться
еще на нѣсколькихъ фактахъ изъ области народныхъ обы-
чаевъ и общественныхъ отношеній въ современной Абхазіи.
Прежде всего будемъ имѣть въ виду, что дворянинъ въ
Абхазіи не имѣетъ права жениться на крестьянкѣ, какими
бы достоинствами эта послѣдняя ни отличалась; также точ-
но и дѣвушка дворянка не выйдетъ замужъ за крестьянина.
Затѣмъ, необходимо отмѣтить, что все населеніе современ-
ной Абхазіи еще недавно дѣлилось на слѣдующія сословія:
князей, дворянъ, которые назывались тавадами или ами-
ста; вольныхъ людей, или анхае; крѣпостныхъ крестьянъ,
или ах-уйю, и, рабовъ, или ахашали, наконецъ, сосло-
віе шингамъ, т. е. тѣлохранителей владѣтельнаго князя.
„Самое значительное по числу сословіе анхае (піошъ)*,
говоритъ авторъ статьи „Абхазцы“ въ VI-мъ в. Сборника
свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, „играло важную роль во
всей общественной жизни абхазцевъ. Будучи совершенно сво-
бодными и полными собственниками обработанныхъ ими зе-
мель, они составляли значеніе высшихъ фамилій, къ кото-
рымъ пристраивались. Тавадъ или амиста былъ вліятеленъ
до тѣхъ поръ, пока способенъ былъ выполнять свое значе-
ніе — быть главою союза: какъ только онъ дѣлался неспо-
собнымъ для этой роли, его оставлялъ народъ, и онъ окан-
чивалъ свою жизнь частнымъ собственникомъ, съ двумя —
тремя дымами анхае, оставшимися ему преданными, по
большей части вслѣдствіе родственныхъ (конечно, не кров-
ныхъ, а по воспитанію или обычаю) отношеній.. Обладаніе

тавадскимъ или ами **For Evaluation Only.**

если представители ихъ дѣлались неспособными въ тому дѣлу, въ которому были призваны. Они терались въ толпѣ и уступали мѣсто тѣмъ, кого предпочиталъ имъ народъ, причемъ неаристократическое происхождение послѣдняго ничего ни значило передъ его заслугами, умомъ, ловкостью и энергіей... Съ другой стороны, владѣтели имѣли возможность останавливать возвышеніе не только какого-нибудь тавада или амиста, но и членовъ своей фамиліи, если только возвышеніе ихъ могло грозить опасностью владѣтельской власти. Всѣ боковыя линіи Шервашидзевыхъ какъ въ Абхазіи, такъ и Самурсакани, пали именно потому, что по происхожденію своему могли быть соперниками владѣтеля. Въ распоряженіи владѣтелей было слишкомъ много средствъ для того, чтобы способствовать возвышенію одной и паденію другой изъ привилегированныхъ фамилій.

Другое право, бывшее регуляторомъ отношеній всѣхъ сословій Абхазіи и Самурсакани—это поземельное, ставившее низшее сословіе внѣ зависимости отъ привилегированныхъ классовъ. Законъ Ману: земля принадлежитъ тому, кто первый ее обработалъ, былъ примѣняемъ въ странѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Всѣ сословія, начиная отъ тавада и оканчивая ахашаломъ, были полными собственниками земель, обработанныхъ ими или ихъ предками.., Зависимость сословій анхае, ахуйю и ахашала была чисто личная и происходила отъ однихъ обстоятельствъ для анхае и отъ другихъ для ахуйю и ахашала... Ахашалы были рабы, и весь контингентъ ихъ въ Абхазіи и Самурсакани произошелъ или отъ дѣтей, покупавшихся у сосѣднихъ горскихъ племенъ, или изъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака дѣвушками сословія ахашалъ, которыхъ владѣлецъ имѣлъ право продавать по своему произволу, или отъ членовъ разрозненныхъ семействъ мингрельскаго сосло-

вія глехо: **For Evaluation Only.**

лыми семейными и поодиночке. Владѣльцы не могли быть семейный человекъ. Какъ только владѣлецъ давалъ разрѣшеніе а хашалу жениться, онъ въ то же самое время, согласно народному обычаю, обязанъ былъ дать ему участокъ земли, равный стоимости 1 коровы или 10 руб., корову, теленка, мѣдный котелъ и постель. Народный обычай обязывалъ владѣльца давать все это а хашалу для того, чтобы послѣдній имѣлъ возможность, со дня своей женитьбы, сдѣлаться хозяиномъ и занять то мѣсто, которое соответствовало его новому положенію, такъ какъ самый актъ женитьбы переводилъ а хашала въ сословіе а хуйю или агируа (мингрелець). Со дня женитьбы а хашалъ дѣлался собственникомъ данной ему земли и всего движимаго имущества и, отбывая повинности сословія а хуйю, позволявшія ему половину времени употреблять для своихъ работъ, постепенно увеличивалъ и улучшалъ свое хозяйство. Все приобретенное имъ дѣлалось также его неотъемлемою собственностью, на которую владѣлецъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Откупаясь отъ повинностей, а хуйю въ прежнее время отдавалъ все свое движимое имущество, которое онъ, во избѣжаніе утайки чего-нибудь, долженъ былъ объявить послѣ принесенія присяги. Участки же земли, какъ полученные первоначально отъ владѣльца, если выкупающійся лично самъ вступилъ въ сословіе а хуйю изъ а хашалъ, такъ равно и полученные по наслѣдству и обработанные имъ самимъ, всегда оставались у выкупившагося, и владѣлецъ не имѣлъ права требовать ихъ въ счетъ выкупной платы... А хуйю въ Абхазіи и дельмахоре (то же самое сословіе въ Самурзакани) не могли быть продаваемы своими владѣльцами не только отдѣльными членами, но и цѣлымъ семействомъ. Всякое покушеніе въ этомъ родѣ со стороны владѣльца влекло за собою потерю а хуйю, находившаго себѣ другого

повровителя. А ху **For Evaluation Only.**

владѣльца, и зависимость эта выражалась повинностью; но онъ переставалъ быть, какъ а х а ш а л ь, вещью, переходившею изъ рукъ въ руки, по произволу владѣльца. Повинности а х у й ю были строго опредѣлены, и всякое поползновеніе владѣльца увеличить размѣръ ихъ вело къ превращенію отбыванія всѣхъ повинностей. Обязанности а х у й ю состояли въ трехдневной полевой работѣ, въ превращеніи кукурузы въ муку и приготовленіи изъ нея для стола владѣльца пищи (отъ этой повинности сословіе получило свое названіе а х у й ю, что значитъ кашеварь), въ отдачѣ для услугъ въ домъ владѣльца мальчика или дѣвочки, перваго до совершеннолѣтія, а второй до замужества; въ обязательные три дня—въ заготовленіи дровъ, въ огорожѣ хлѣбныхъ полей и въ рѣзаніи животныхъ для стола владѣльца. Не всѣ эти повинности непремѣнно были обязательны для каждаго дыма а х у й ю; напротивъ, рѣдко какой дымъ исполнялъ ихъ всѣ вмѣстѣ, и это обыкновенно случалось съ тѣми, кто по какимъ-либо обстоятельствамъ дѣлался кредиторомъ своего владѣльца. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ сословій абхазо-самурзаканскаго населенія, въ строгомъ смыслѣ, личная зависимость существовала для а х а ш а л ь, какъ людей, приобретенныхъ покупкою, и для а х у й ю, какъ сословія, образовавшагося изъ а х а ш а л ь. Зависимость послѣднихъ основывалась на правѣ купли какъ главы семейства, такъ равно и жены его, за которую, по народному обычаю, заплатить долженъ былъ владѣлецъ а х а ш а л а. Съ уплатою владѣльцу за отбывавшіяся повинности, а х у й ю, въ прежнее время, дѣлался а н х а е; но если владѣлецъ самъ принадлежалъ къ этому послѣднему сословію, то никакъ не его, а какого-либо тавада и а м и с т а, повровительство котораго избиралъ освобождающійся. Этотъ переходъ опять указываетъ, что а н х а е въ строгомъ смыслѣ не было сословіе

зависимое, в легированных, а следовательно, ставшее доверенным въ обязательныя отношенія, вслѣдствіе необходимости, при царствовавшемъ въ краѣ произволѣ, имѣть какую-нибудь защиту.

На ряду съ этими сословіями слѣдуетъ упомянуть еще одно, которое не упоминается у другихъ изслѣдователей Абхазіи; я имѣю въ виду слѣды жреческой касты, сохраняющіеся и до сихъ поръ въ Абхазіи. Въ Гудаутскомъ участкѣ есть священная гора Дыдрыпшъ. Подняться на эту гору строго воспрещается, какъ дѣло, оскорбляющее національную святыню. У подошвы горы растетъ священный дубъ, на которомъ висятъ мѣдный тазъ, топоръ съ арабской надписью и шашка. Недалеко отъ дерева находится большой котель. Здѣсь абхазцами совершаются жертвоприношенія, приносятся клятвы, дается присяга. Роль жрецовъ, посредниковъ между народомъ и Дыдрыпшъ, исполняющихъ всѣ культовые формальности, принадлежитъ членамъ фамиліи Чичба. Они живутъ здѣсь же у священнаго дуба и горы въ деревнѣ Ачандара (ачанъ=жребій; дарá=они) въ числѣ 20 дворовъ, составляя коренное населеніе деревни. Только члены фамиліи Чичба имѣютъ право приводить народъ къ присягѣ и имѣютъ свободный доступъ къ святынѣ Дыдрыпшъ. При совершеніи обрядовъ члены этой фамиліи соблюдаютъ между собою извѣстную очередь и получаютъ каждый за совершеніе требы 50 коп. При этомъ жреческія обязанности исполняютъ не всѣ Чичба, а только наиболѣе старшіе изъ нихъ, такъ называемые старосты—аныхапави. Если случается кому-либо заболѣть, и заболѣвшій полагаетъ, что болѣзнь его есть наказаніе за ложно данную имъ клятву, онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ одного изъ старостъ Дыдрыпши и проситъ его ходатайствовать передъ Дыдрыпшъ. Старикъ общаетъ свое ходатайство, и когда больной вы-

здоровливаетъ, то, рыпшъ, по ходатайству ближайшаго къ нему служителя, приходитъ съ припасами къ священному мѣсту, и одинъ изъ старостъ совершаетъ благодарственное жертвоприношеніе. Къ помощи Дыдрыпшъ абхазцы прибѣгаютъ въ очень многихъ случаяхъ. (Вскользь упоминаетъ объ этомъ г. Джана-швили въ своей брошюркѣ на стр. 56 и неизвѣстный авторъ статьи „Религіозныя вѣрованія абхазцевъ“ въ вып. V-мъ Сборника свѣд. о кавк. горцахъ на стр. 18-ой).

Слѣдуетъ упомянуть, что во главѣ абхазскаго народа до послѣдняго времени, т. е. до присоединенія Абхазіи къ Россіи, стояла фамилія князей Шервашидзе. Первымъ правителемъ Абхазіи изъ этой фамиліи былъ эриставъ Шервашидзе, поставленный здѣсь грузинскимъ царемъ Давидомъ Возобновителемъ въ 1124 г.; по народному преданію, за-долго до появленія въ Абхазіи князей Шервашидзе, во главѣ абхазскаго народа стояли князья Анчабадзе (См. Сборн. свѣдѣній о кавк. горцахъ, вып. VI-ой, стр. 29, 30; вып. V-ый, стр. 13). По преданію грузинскихъ лѣтописцевъ, ширванъ-шахъ, родоначальникъ Шервашидзе (по-абхазски Шіарасія), былъ однимъ изъ абхазо-имеретинскихъ царей, по нѣкоторымъ даннымъ, Давидомъ Возобновителемъ (1089—1125), отцомъ извѣстной царицы Тамары. Нѣкоторые (Филиппсонъ, Русск. Аривъ, 1884, стр. 302) выводятъ родъ Шервашидзе изъ Джигегіи, изъ рода Гечь (Чечь), утверждая, что абхазскія фамиліи: Иналъ-ипа, Дзяпшъ-ипа, Анчабадзе, Маршани старше фамиліи Шервашидзе (См. г. Дьячковъ-Тарасовъ: „Гагры и ихъ окрестности“ стр. 52, примѣчаніе 66).

Быть-можетъ, Аносъ, по армянскимъ хроникамъ первый изъ управителей Абхазіи, говоритъ авторъ статьи— Абхазія въ Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. VI-ой, стр. 30, прим. 35, и былъ родоначальникомъ фамиліи Анчабадзе (по абхазски Анчиба, сокращенно Ачба). Странно, гово-

рить авторъ ромъ ихъ языкѣ значитъ князь, а чачба (какъ называютъ по-абхазски Шервашидзе) надъ княземъ князь". Г. Лаврентьевъ въ своей статьѣ „Абхазія“ древнѣйшими княжескими фамиліями въ Абхазіи называетъ: Анчабадзе, Чабалурхуа, Дзепишпы, Иналипа, Маршани, Эмха, а изъ дворянскихъ фамилій: Кацо-Моргани, Лакербай, Мивамбай Зумбай и др. (стр. 268, 269). „Абхазцы, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, не всегда обитали тамъ, гдѣ теперь живутъ: и преданія ихъ, и многія историческія данныя, и обычаи ихъ указываютъ, что они пришли съ сѣвера и потѣснили картвельскія племена, пока не остановились у Ингура, гдѣ и произошло начало смѣшенія между двумя чуждыми по происхожденію племенами — мингрельскимъ и абхазскимъ". (См. А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, „Бзыбская Абхазія). Что касается вопроса о распространеніи абхазскаго элемента на область нынѣшней Самурзакани и объ этническомъ составѣ народности самурзаканцевъ, отсылаю читателя къ прекрасной статьѣ „Абхазцы (Азегга)" въ VI вып. Сборника свѣд. о кавказск. горцахъ.

Мы далеко не исчерпали, конечно, всего матеріала и въ этомъ отношеніи не претендуемъ на полноту своего очерка. Мы пользовались тѣмъ, что могли имѣть у себя подъ рукою; съ другой стороны, мы увѣрены, что если бы въ нашемъ распоряженіи былъ большій матеріалъ, то онъ только далъ бы намъ возможность шире и обстоятельнѣе обосновать свои чисто этнографическія заключенія или предположенія, которыя, во всякомъ случаѣ, безъ провѣрки ихъ положительными данными только и останутся предположеніями. Этнографія въ спеціальной области архаическихъ формъ быта и отношеній только помогаетъ исторіи, но никакъ не замѣняетъ ея. Итакъ, если мы сопоставимъ всѣ вышеприведенныя данныя, то мы будемъ имѣть нѣкоторое

право отвѣтить на фическомъ отношеніи и павую еволюцію формъ семейно-родовыхъ отношеній и народнаго быта рисуютъ намъ данныя ея современнаго народнаго быта?—слѣдующимъ образомъ:

Современная Абхазія представляегь одну территориально-тотемическую группу, объединившую въ себѣ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ такихъ же группъ съ отдѣльными представителями, остатки которыхъ мы видимъ въ современныхъ княжескихъ фамиліяхъ. Абхазцы чтятъ души предковъ; напр., въ родительскую субботу, на поминкахъ по преждеумершимъ, глава семьи, при убоѣ жертвеннаго животнаго, возглашаетъ: „Если существуетъ загробная жизнь, принесется (жертва) для твоей души!“ — Затѣмъ, когда яства приготовлены и положены на скатерть, тотъ же глава семьи, становясь предъ скатертью, опять возглашаетъ: „Усопшіе, благодать вашихъ душъ даруйте намъ! Не повредите насъ смертью (умерщвленіемъ)! прибавляйте (размножайте) намъ, нашъ скотъ! не лишите насъ вашей защиты и покрова!“ и т. д. И абхазецъ увѣрепъ, что чѣмъ души усопшихъ пышнѣе будутъ встрѣчены и угощены, тѣмъ довольнѣе и благороднѣе останутся и тѣмъ больше содѣйствія и покровительства окажутъ онѣ живымъ... (См. г. Джанашвили, стр. 33 и др.). Въ сложной мѣологіи абхазцевъ замѣтно выдѣляются три группы силъ, которыя пользуются особеннымъ вниманіемъ народа: 1) абн-икоу, т. е. то, что находится на д орѣ; это души усопшихъ, не принадлежащихъ къ данному очагу, семьѣ, роду, племени; блуждая по землѣ, онѣ вселяются въ людей въ видѣ всевозможныхъ болѣзней; 2) аджахара—покровитель домашняго очага,—сила, дающая человѣку жизнь и здоровье; это домашніе боги, пенаты, души покойниковъ даннаго очага, семьи, рода, племени; 3) надъ силою внѣшнею и силою домашняго очага возвышается третья сила — хах-икоу, т. е. то, что наверху;

это высшее (For Evaluation Only.

образомъ, вѣдѣлъ властвовалъ семья, родъ и т. д. члѣн души своихъ предковъ, родоначальниковъ своихъ группъ, и когда во время родинныхъ обрядовъ одна изъ старухъ, совершая благодарственное жертвоприношеніе аджахаръ за благополучный исходъ родовъ, произноситъ: „пова я не накормлю и не напою этими кусками и этимъ питьемъ всѣхъ Анчабадзе и Шервашидзе, пусть никакая болѣзнь не переступить порога этого дома!“ — то, въ данномъ случаѣ, мы должны видѣть обращеніе народа къ душамъ предковъ; но народъ, несомнѣнно, или забылъ своихъ семейныхъ, групповыхъ, родовыхъ аджахара или успѣлъ отождествить ихъ съ общими для всѣхъ абхазскихъ родовъ аджахара Шервашидзе и Анчабадзе. До объединенія же мелкихъ абхазскихъ группъ въ одну общую территориально-тотемическую группу подъ покровительствомъ однихъ и тѣхъ же аджахара, каждая изъ группъ имѣла несомнѣнно своихъ ближайшихъ покровителей. Слѣды такого, именно, этническаго состава Абхазіи можно видѣть отчасти въ сообщеніи извѣстнаго турецкаго путешественника Эвлія-эфенди, посѣтившаго Абхазію въ 1641 г., который отмѣчаетъ въ своемъ путевоомъ журналѣ слѣдующія абхазскія общества: 1) горные или малые чанды съ гаванью Кокуръ, т. е. Гагры; 2) большіе чанды, составлявшіе 25 деревень, съ гаванью Чандаларъ. Племена чандовъ путешественникъ называетъ чистокровными абхазцами. По нижнему теченію рѣки Псоу жило хищное и богатое общество гечъ; слѣдующее абхазское общество называлось арто, по имени главы общества, съ пристанью Артларъ, теперешній Адлеръ; въ сѣверу отъ названныхъ обществъ жило племя Садша (т. е. садзуа), которые хорошо говорили по-абхазски; затѣмъ слѣдуютъ горныя абхазскія племена: псху (псховцы), ахчисы (ахчипсховцы), беслеб (башилбаевцы), мунвеллебе, убыхи, чаграй

(шахтревцы); а л For Evaluation Only.

п а н ч а р е ш. (См. Дьячковъ-Тарасовъ: „Гагры и ихъ окрестности“, стр. 51, 52).

Каждая изъ мелкихъ территориально-тотемическихъ абхазскихъ группъ на первобытныхъ ступеняхъ своего развитія и своей жизни носила характеръ организаціи, въ которой правовыя отношенія, при общности экономическихъ интересовъ, регулировались возрастомъ членовъ группы, а не сознаниемъ кровнаго родства. Вмѣстѣ съ ростомъ отдѣльныхъ группъ шло постепенно и ихъ территориальное объединеніе. Одна территориальная группа стала заключать въ себѣ нѣсколько болѣе мелкихъ тотемическихъ группъ, которыя на ряду со своими групповыми тотемами стали признавать и тотемовъ всей территориальной группы, а затѣмъ или вовсе забывать первыхъ или отождествлять ихъ со вторыми. Съ другой стороны, въ каждой изъ болѣе мелкихъ группъ вырабатывалось представленіе о кровномъ родствѣ сначала ближайшихъ къ матери членовъ семьи, объединенныхъ почитаніемъ одного и того же культа, а затѣмъ понятіе о родствѣ распространилось и на всѣхъ сочленовъ одной и той же территориальной группы. Въ связи съ эволюціей формъ быта и правовыхъ отношеній стояла и эволюція народнаго міросозерцанія. Выработывая новыя формы, оно не порывало совершенно связи со своей стариной и чтило ее въ видѣ всевозможныхъ обрядовъ и обычаевъ. Третій періодъ, смѣнившій собою второй, есть современный патріархальный строй съ тою разницей, что первобытныя обширныя территориальныя группы, разбившись внутри себя на болѣе мелкія семейно-родовыя группы, объединенныя сознаниемъ общности экономическихъ интересовъ и кровнаго родства, подверглись дальнѣйшему, почти современному намъ дробленію на болѣе мелкіе индивидуальныя союзы - семьи. Территориально - тотемическій союзъ, объединивъ въ себѣ

болѣ мелкі.

на первыхъ же порахъ своей гражданственности, по воле вѣроятіямъ, выдѣлилъ изъ своей среды касту жрецовъ и представителя группы, владѣтельнаго князя изъ рода Анчабадзе. Такимъ образомъ возникли сословія князей и дворянъ, т. е. тавады или амиста, каста жрецовъ и фамилія владѣтельнаго князя; все остальное коренное населеніе Абхазіи, какъ свободный народъ ни отъ кого политически и экономически независимый, составляло сословіе вольныхъ людей или аххае. Съ появленіемъ на сцену общественно - политической жизни абхазскаго народа выходцевъ изъ Джигетіи, рода Шіарасія, который въ концѣ X и началу XI вѣковъ фактически становится господствующимъ родомъ, въ связи съ ростомъ общественно-политическаго вліянія этого рода, поддерживаемаго грузинскими царями, и этнографическимъ распространеніемъ абхазской народности на югъ въ области нынѣшней Самурзакани, т. е. съ ростомъ ея завоевательной, такъ сказать, политики, должно быть поставлено возникновеніе двухъ сословій: крѣпостныхъ крестьянъ ахуйю и рабовъ ахашаль. Интересно, что первый терминъ, обозначавшій извѣстное военно-придворное сословіе (кашевары), былъ перенесенъ на посторонній этнической элементъ, ставшій, очевидно, въ зависимость отъ господствующаго элемента, и слова агируа (мингрелець) и ахуйю, т. е. временно обязанный крѣпостной крестьянинъ, сдѣлались въ Абхазіи равнозначущими.

Н. Державинъ.